

Взгляд Юрии был прикован к одному месту — к тому, где её брат Роберт только что извинился и откуда ушёл.

Роберт действительно был жалким существом — слабым глупцом, который умел только поддерживать престиж семьи.

Таким образом, она считала, что он не подходит семье.

Всякий раз, когда она видела этого труса, который даже не мог встретиться с ней взглядом, это только ухудшало её настроение.

— ...Миледи.

Она ощущала раздражение, когда он называл её «сестрой» — термин, который она не хотела слышать. Но Роберт избежал этого варианта.

Только его глаза, лишённые каких-либо эмоций, привлекли её внимание.

Глаз, которые обычно блуждали, когда он смотрел на неё, нигде не было видно.

Его кроткое поведение исчезло, вместо этого он, казалось, даже смотрел ей в лицо.

Но вскоре она отбросила это представление. Не имело значения, изменился он или нет.

Для Юрии имя Роберт вообще ничего не значило.

Эта перемена, скорее всего, тоже продлится не более нескольких дней.

Эти глаза, несомненно, скоро вернуться к своему жалкому взгляду.

Юрия повернулась спиной и пошла в направлении, противоположном тому, куда исчез Роберт.

Сопровождаемая едва уловимым, странным ощущением в груди.

В общем, в этот период со мной обращались довольно сурово.

Семья Тейлор, пользовавшаяся высоким авторитетом как Герцогская семья, вероятно, не слишком благосклонно относилась к своему слабому сыну.

Как к единственному сыну, на меня возлагались большие надежды, и, поскольку я не оправдал их, мной, естественно, пренебрегали.

Поэтому я напивался. А когда я однажды употреблял одурманивающие вещества, отец застал меня в полубессознательном состоянии и избил.

Даже с моей затуманенной памятью я отчётливо помнил, как меня избивали — возможно, плохие воспоминания сильнее всего врезаются в память.

Я впервые попытался перевоплотиться прямо перед смертью.

Точнее, это было незадолго до моей первой смерти, когда меня должны были казнить по обвинению в государственной измене.

Реликвия в моём кармане отреагировала именно тогда.

Ослепительный свет окутал меня, а затем в моём ухе прозвучал тихий голос, который я до сих пор не могу забыть.

[Чего ты на самом деле желаешь?]

И затем слова о том, что начнётся второй цикл.

Сначала я воспринял это как возможность, но позже это стало ощущаться как личный ад, который переживал только я.

Вспоминая большую часть своих жизней, пока я не решил попробовать снова, я был сумасшедшим в большинстве из них.

Заходя так далеко, я не испытываю ни малейшего желания восстанавливать какие-либо отношения.

Есть те, кого я хотел бы поблагодарить, но они даже не вспомнят о моей благодарности.

Однако, если у меня и есть одно горячее желание, то это добиться свержения Наследного Принца Кейтеля своими собственными руками.

Раньше, из-за страха, я не мог действовать против него, но Кейтель, Наследный Принц,

обвинил меня в предательстве, и я определённо хотел отомстить ему.

Он был катализатором этих ста смертей, не так ли?

Просто подсчитайте, сколько раз я умирал, заклеянный Кейтелем как предатель, после той первой смерти, это исчисляется десятками.

Причина, по которой я получил яд в предыдущем цикле, также была связана с обвинениями в государственной измене.

Хотя я и объяснил, что не был предателем, проблемы в отношениях из-за обвинений в государственной измене привели к моей смерти.

Гильотина, виселица, яд... Я понял, что умирал по-разному.

И причина этих смертей — Наследный Принц Кейтель.

Убийство Кейтеля не было моей первоначальной целью. Я верил, что если завоюю всеобщее доверие, то не умру. Но по мере того, как циклы повторялись, я осознал одну вещь:

Моя смерть всегда была связана с вмешательством Кейтеля, что бы ни случилось. Если бы я не покончил с собой, имя Кейтеля обязательно всплыло бы, поэтому я обратил внимание на этот странный факт и отслеживал его уже почти десять циклов.

Я перевоплощался сто раз, и, не считая бесплодных, я думаю, что прожил нормально около сорока раз или около того.

Само число казалось чрезмерным, но это заставило меня по-новому осознать своё презрение к тем, кто так и не изменился, несмотря на все усилия.

В чём был смысл всей этой борьбы?

Несмотря на то, что я рисковал своей жизнью из-за действий Кейтеля, у меня было достаточно доказательств.

Всё, что оставалось, — это дожидаться подходящего момента для нанесения удара.

Хотя я пока не мог доказать свою непричастность к государственной измене, у меня оставалось ещё около двух лет, а этого времени было предостаточно.

В предыдущих циклах я собрал все доказательства того, что я не предатель. Оставалось только

придумать, как добиться падения Кейтеля.

— ...Я должен исключить возможность заимствования силы семьи.

Когда меня обвинили, семья Тейлор отреклась от меня как от паршивой овцы.

Интересно, что они подумали, увидев, как меня с унылым выражением лица ведут на виселицу.

Возможно, они внутренне горевали, но после нескольких перевоплощений, я теперь знаю, вместо этого они почувствовали облегчение.

Для них я был просто никчёмным позором.

Это был факт, о котором я уже смутно догадывался. Я только отрицал это и пробовал другие методы.

Я неоднократно перевоплощался, чтобы снова быть любимым и любить — потому что верил, что в этом ценность моей жизни.

Если бы я верил в них, они бы тоже поверили в меня. Если бы я каким-то образом изменил свои поступки, они бы тоже изменили свои сердца. Большинство моих прошлых перевоплощений, должно быть, были прожиты с такими мыслями.

Но это оказалось бессмысленным.

Я, отражённый в зеркале, улыбался.

Но это была ненастоящая улыбка — горечь застыла у меня во рту, медленно распространяясь по языку на всё вокруг.

Я зачесал назад свои аккуратно подстриженные белые волосы.

Было время, когда эти волосы стали совсем седыми.

Моя кожа огрубела настолько, что потрескалась, и были времена, когда все ногти на моих руках были вырваны.

Но теперь я был невредим. Естественно, реинкарнация не оставила никаких физических следов.

Но моя душа всё ещё помнила эти шрамы, поэтому отражение в зеркале иногда вызывало галлюцинации.

То же самое было и при встрече с другими людьми.

Вспоминая жестокие слова, которые они говорили, не важно, как они улыбались, я мог видеть их по-другому.

Как я это выдержал?

Не казалось ли это странным даже самому себе? Что я остался таким невредимым, пережив эти бесчисленные смерти?

Возможно, для меня было большим облегчением думать, что это последний раз, когда я прохожу через это.

Я больше не желал улучшения отношений или чего-то в этом роде.

Вечный покой — смерть, в которой я мог бы однажды закрыть глаза и быть похороненным в земле, чтобы никогда больше их не открывать.

И вдруг моё внимание привлёк пейзаж за окном.

На улице был яркий солнечный день.

Ни одно облачко не омрачало яркую синеву и пышную зелень лета.

<http://tl.rulate.ru/book/111405/4603009>